

**Его последняя
невеста**

RemVoVo

RemVoVo

Его последняя невеста

«Автор»

2026

RemVoVo

Его последняя невеста / RemVoVo — «Автор», 2026

Замок пал. Родители мертвы. Одиннадцатилетний принц Алекс и девочка-демон Миранда, скрывающая рога под чёлкой, остались вдвоём против всего мира. Чтобы выжить, они становятся братом и сестрой, скрывая свои истинные имена. Годы скитаний, голода и битв превращают их в воинов. Но страшнее орков — чувство, которое вспыхивает между ними, запретное для людей и демонов. Им предстоит пройти через предательство, плен и смертельную опасность, чтобы найти Кровавый Камень и вернуть свою страну. Первая книга трилогии о любви, что сильнее крови и ненависти.

© RemVoVo, 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1. Рога под чёлкой	11
Глава 2. Последний завтрак	17
Глава 3. Дорога в никуда	22
Глава 4. Рев с гор	27
Глава 5. Имя для ветра	31
Глава 6. Болезнь принцев	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Его последняя невеста

ПРОЛОГ

Кровь на снегу

За тридцать лет до падения замка

Зима в тот год пришла не с севера, а изнутри земли. Мороз поднимался из трещин в скалах, высасывая тепло из корней вековых дубов, и к утру третьего дня даже птицы перестали кричать. Король Драгомир стоял на вершине Седого Утёса, глядя, как его дыхание превращается в ледяную крошку, и думал о том, что мир никогда не прощает тем, кто пытается его перекроить.

Под ним, в долине, раскинулся лагерь — не военный, не торговый, а ритуальный. Сотня воинов в чёрных плащах с алыми подкладками выстроилась полукругом вокруг плоского камня, который местные звали Краем Света. Камень был чёрным, как уголь, и на его поверхности уже три дня вырезали руны — не человеческим письмом, а тем, что старше языка и моложе крови. Руны пахли железом и горечью.

Драгомир спустился с утёса по тропе, которая вилась между валунами, поросшими мхом, пережившим не один пожар. Его сапоги хрустели по насту, и каждый шаг отдавался в груди глухим эхом. Он был молод ещё — тридцать два года, но виски уже тронула седина, а под глазами залегли тени, которые не сходили даже после сна. Королевство, доставшееся ему от отца, лежало в руинах после трёх лет орчьих набегов. Деревни горели, поля стояли пустыми, а знатные дома спорили между собой, не веря, что угроза реальна. Орки не просто грабили — они вырезали целые рода, оставляя на воротах замков знаки, которые даже старые маги не могли прочесть.

Драгомир знал, что в одиночку ему не выстоять. Люди слабы перед той силой, что поднималась с востока. Но он также знал, что есть те, кто сильнее орков и старше этой земли. И они ненавидят орков ещё больше, чем он.

— Ваше величество, — голос главного жреца, старика по имени Велегор, был скрипучим, как несмазанное колесо. — Они прибыли.

Драгомир поднял голову. Со стороны гор, где небо казалось разорванным в клочья, двигалась процессия. Не всадники, не пешие — они шли, словно не касаясь земли, и каждый их шаг оставлял в снегу не вмятину, а тонкую, почти незаметную борозду, как от лезвия. Их было пятеро. В центре — старейшина, с лицом, выточенным из старого янтаря, с глазами, в которых не было белков, только золото и тьма. По бокам — двое стражей, чьи тела были покрыты узорами, похожими на кору дуба, и двое слуг, которые несли ларцы из чёрного металла.

Демоны.

Драгомир не знал, как правильно их называть. В книгах писали «народ Бездны», в песнях — «дети утренней звезды», в шепоте по деревням — просто «рогатые». Он видел их впервые вблизи, и холод, пробежавший по позвоночнику, не имел отношения к зимнему ветру.

Старейшина остановился в трёх шагах от короля и поклонился. Не глубоко, не низко — так, как кланяются равному, но не другу.

— Драгомир, сын Мирослава, король человеческих земель, — голос его звучал сразу в голове и в воздухе, как двойное эхо. — Мы слышали твой зов. Ты готов заплатить цену?

Драгомир выпрямился. Он не носил короны сегодня — только кованый обруч на лбу, на котором был выгравирован родовой знак: волк, разрывающий луну. Этот символ значил для его народа больше, чем золото. Значил стойкость.

— Я готов, — ответил он твёрдо. — Тысячу лет мы враждовали, но враг у наших ворот один. Орки не щадят ни людей, ни ваших. Они сожгли три ваших поселения прошлой весной. Я знаю это.

Старейшина улыбнулся — тонко, без тепла. На его скулах проступили едва заметные чешуйки, которые тотчас исчезли, словно их и не было.

— Ты прав, король. Орды Ург-Хаша не различают, чья кровь течёт в жилах. Они хотят только смерти. И мы хотим, чтобы они ушли из этих земель навсегда.

— Тогда скажи, — Драгомир шагнул ближе, хотя каждый мускул в нём кричал об осторожности, — что требует ваш народ за помощь? Золото? Земли? Кровь?

Старейшина покачал головой. Его длинные, спутанные волосы, в которых запутались сухие листья и серая глина, зашевелились, словно живые.

— Мы не торгуемся, король. Мы заключаем союзы. И плата за союз — это не металл и не поля. Это будущее.

Он щёлкнул пальцами, и слуги открыли ларцы. В одном лежала шкатулка из обсидиана, в другом — сверток из шёлка, пропитанного чем-то пахучим, чем-то, что напоминало дым и мёд одновременно.

— Ты дашь нам одного из своих наследников, — произнёс старейшина. — Младенца, в котором течёт твоя королевская кровь. А мы дадим тебе одного из наших. Дитя, рождённое в ночь затмения, у которого уже есть два рога, но они ещё спрятаны под кожей. Мы обменяем их на этом камне, и пока живы эти двое, союз будет нерушим. Орки не посмеют напасть на земли, где правит кровь, смешанная в древнем обряде.

Драгомир почувствовал, как земля уходит из-под ног. Он знал, что плата будет высокой, но не думал, что настолько. Его наследник, первенец Алекс, только что родился — ему было всего три недели. Он не спал по ночам, слушая его дыхание, вдыхая запах его головки, млея от того, как маленькие пальчики сжимали его мизинец. Отдать его демонам?

— Что вы сделаете с ним? — спросил он, и голос его предательски дрогнул.

— Мы воспитаем его, — ответил старейшина. — Он будет знать наш язык, наши обычаи. Он станет посредником между двумя народами. Он не умрёт, король. Это не жертва — это мост.

Драгомир сжал кулаки. Сзади стояли его советники, его верные военачальники, те, кто видел, как орки разрывают младенцев перед глазами матерей. Они молчали. Они не хотели, чтобы их король отдавал своего сына, но они знали: без этой сделки к лету не останется ни одного поселения, где можно было бы растить детей.

— У меня есть ещё сын, — выдавил он. — Старший уже. Или дочь.

— Нет, — отрезал старейшина. — Обряд требует чистоты первого договора. Первенец от первой жены. Только его кровь способна удержать магию. Другая — сгорит, как трава в огне.

Драгомир закрыл глаза. Он вспомнил лицо королевы Людмилы, её улыбку, когда она впервые взяла Алекса на руки, и понял, что этот разговор он никогда не сможет ей рассказать. Она не простит. Но если он не сделает этого — она не простит и когда орки придут за ними всеми.

— Пусть будет так, — сказал он, и слова показались ему острыми, как битое стекло, которые он проглотил.

— Хорошо, — старейшина кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на удовлетворение. — Тогда завтра на рассвете, когда обе луны сойдутся над Краем Света, мы проведём обряд. Ты принесёшь своего младенца. Мы принесём нашего. И кровь их смешается в этой чаше.

Он указал на плоский камень, где руны уже начали светиться тусклым багрянцем, хотя солнце ещё не село.

— А после? — спросил Драгомир.

— После ты заберёшь наше дитя в свой замок. Демон будет жить среди людей, расти как твоя дочь, и никто, кроме тебя и твоей жены, не будет знать, кто она. А наш народ заберёт твоего сына в горы. Он будет жить среди нас до того дня, пока они не вырастут. А когда им исполнится по одиннадцать лет — мы вернём их друг другу. Мальчик станет мужем девочки. И тогда кровь соединится навсегда.

Драгомир поднял бровь. Он думал о политических браках, о союзах, скреплённых венчаниями, но чтобы ребёнок, которого он отдаёт, и ребёнок, которого он берёт, поженились?

— Они не будут любить друг друга, — тихо сказал он.

— Это не важно, — усмехнулся старейшина. — Важно, что их дети станут сильнее всех, кто жил до них. И тогда ни орки, ни кто-либо ещё не посмеют угрожать нашему миру.

Он повернулся и пошёл обратно к горам, его свита бесшумно последовала за ним. Снег под их ногами не хрустел — он таял и снова замерзал, оставляя странные, почти прозрачные следы.

Драгомир остался один на утёсе. Ветер усиливался, и он слышал, как в долине воют волки — или не волки. Звук был слишком низким, слишком человеческим для зверей.

Он простоял так до самой ночи.

Замок встретил его тишиной. Драгомир прошёл через пустые залы, где прислуга уже разошлась, оставив только факелы в настенных кольцах, и поднялся в детскую. Королева Людмила спала в кресле у камина, утомлённая долгими часами у колыбели. Маленький Алекс лежал в своей люльке, натянув одеяло до самого подбородка, и его розовое личико было таким безмятежным, что у Драгомира сжалось сердце.

Он протянул руку и кончиками пальцев коснулся щеки сына. Мальчик вздохнул, но не проснулся.

— Прости меня, — прошептал Драгомир. — Я обещаю, что верну тебя. Я обещаю, что ты будешь жить. Но если я не сделаю этого сейчас, у тебя не будет будущего.

Он не мог объяснить это младенцу. Он не мог объяснить это и себе. Он только знал, что завтра он принесёт его на тот чёрный камень, и кровь его сына смешается с кровью чужого дитя, и он уже никогда не будет прежним.

Он отошёл от колыбели и подошёл к окну. Замок, построенный его дедом, стоял на скале, и внизу простиралась долина, покрытая инеем. Там, далеко, горели костры лагеря демонов — они горели странным, фиолетовым пламенем, которое не дымило, а лишь дрожало, как живое.

Драгомир молился всем богам, которых знал, и тем, которых не знал. Он молился, чтобы сделка не оказалась ловушкой. Чтобы его сын вернулся целым. Чтобы девочка-демон, которую он примет в свой дом, не принесла погибель его роду.

Он не спал в ту ночь. Он сидел у камина, глядя на угли, перебирая в памяти все слова, сказанные старейшиной, ища в них двойное дно. Но не находил.

На рассвете королева проснулась и увидела мужа с красными глазами.

— Что случилось? — спросила она, приходя в себя.

Драгомир подошёл к ней, обнял, прижал к себе так крепко, как только мог.

— Я должен кое-что сделать, — сказал он. — И это изменит всё.

Она не стала спрашивать. Она знала его достаточно хорошо, чтобы понять, что если он не говорит — значит, не может. Она лишь взяла его за руку и молча пошла с ним к колыбели.

Алекс проснулся и заплакал. Драгомир взял его на руки, прижал к груди, чувствуя, как крошечное тельце дрожит от холода и голода. Он покачал его, прошептал какие-то бессмысленные слова утешения, а затем — отдал кормилице.

— Приготовьте его, — сказал он. — Наденьте на него самую тёплую одежду. И подождите меня в главном зале.

Кормилица поклонилась и ушла. Людмила смотрела на мужа с тревогой.

— Драгомир, что ты задумал? — спросила она.

Он повернулся к ней. Впервые за много лет он не знал, что ответить. Он знал только одно: если он скажет ей правду, она не позволит ему уйти. Но если он не уйдёт — мир рухнет.

— Я спасаю наше королевство, — произнёс он. — И я прошу тебя довериться мне. Пожалуйста.

Она молчала долгую минуту. Потом кивнула, смахнула слезу и взяла его лицо в свои ладони.

— Возвращайся, — сказала она. — Возвращайся с нашим сыном.

— Я вернусь, — ответил он, хотя знал, что вернётся не с сыном, а с чужим ребёнком, который должен стать его дочерью.

Обряд начался, когда первая луна — Большая, которую в народе называли Серебряной — коснулась края Чёрного камня, а вторая, Малая, уже стояла прямо над ним, как глаз, взирющий на всё сущее.

Драгомир стоял на коленях у камня, держа на руках завернутого в белый лён Алекса. Мальчик не плакал — он был удивлённо тих, словно чувствовал, что происходит нечто важное. Напротив короля стоял старейшина демонов с младенцем в руках. Девочка была завернута в ткань, которая переливалась всеми оттенками синего — от тёмного, почти чёрного, до светлого, как небо в ясный полдень. Из-под пелёнок торчали крошечные бугорки — два рога, только начинающие пробиваться сквозь нежную кожу.

— Имена, — произнёс старейшина. — Назови своё дитя.

— Алекс, — сказал Драгомир. — Алекс, наследник трона.

— А это — Миранда, — старейшина улыбнулся. — В переводе с нашего языка — «та, что соединяет». Она станет твоей дочерью, король, и женой твоего сына, когда придёт время.

Он протянул девочку Драгомиру. Драгомир взял её, чувствуя, как она почти ничего не весит, и как её глаза — тёмные, бездонные, уже с искоркой разума — смотрят на него без страха.

— Теперь, — старейшина вынул нож, чьё лезвие было из обсидиана, и два каменных кубка, — мы должны скрепить обмен кровью.

Он взял руку маленького Алекса, и Драгомир зажмурился. Крик мальчика был пронзительным, но коротким — старейшина был быстр, как змея, и капля алой крови упала в первый кубок. Затем он сделал то же самое с Мирандой — она не заплакала, только вздрогнула и стиснула крошечные кулачки. Её кровь, чернильно-тёмная с багровым отливом, упала во второй кубок.

— Смешай их, — приказал старейшина, протягивая кубки Драгомиру.

Драгомир взял оба кубка и перелил их в один, стоящий на камне. Кровь встретилась, и она не смешалась — она закипела, засверкала искрами, и над чашей поднялся пар, в котором на мгновение возникли два лица: мужское и женское, незнакомые, но удивительно похожие на его собственное и Людмилы.

Они исчезли так же быстро, как появились.

— Теперь он принадлежит нам, — сказал старейшина, забирая Алекса у Драгомира. — И она принадлежит тебе. Отныне их крови связаны. Они не смогут причинить друг другу вреда, не почувствовав боли сами. И их дети будут править этим миром.

Драгомир смотрел, как его сына уносят в горы. Алекс не плакал — он, казалось, улыбался, рассматривая фиолетовые огни, которые зажглись вокруг демонов. А Миранда, лежащая на руках у короля, открыла глаза и протянула ручонку к его лицу, словно хотела дотронуться.

— Миранда, — тихо сказал он, ощущая в груди боль и надежду одновременно. — Ты теперь моя дочь. Я буду любить тебя, как сына. И я верну его, когда придёт время.

Она ничего не ответила. Она была слишком мала для слов. Но её пальчики на мгновение сжали его палец, и Драгомир поклялся себе, что сдержит слово, чего бы это ни стоило.

Спустя три месяца, когда весна растопила снега, а орки отступили от границ, испугавшись нового союза, Драгомир сидел в тронном зале с Мирандой на коленях. Она росла быстро, почти как человеческие дети, но её глаза всегда были немного старше, чем следовало бы. Рожки под чёлкой уже почти скрылись — они росли вглубь, не нарушая формы головы, и только он знал, где их искать.

Королева Людмила так и не спросила, куда исчез её сын. Она плакала в первые недели, но Драгомир сказал ей только, что Алекс в безопасности, что он учится в далёкой стране, что он вернётся, когда станет сильным. Она доверилась ему, но в её взгляде всегда была тень.

— Ты сделал правильный выбор, — сказал однажды старейшина, явившись во сне. — Орки не перейдут границу, пока жива связь. Но помни: когда мальчику и девочке исполнится по одиннадцать лет — они должны встретиться. Иначе печать ослабнет.

Драгомир проснулся с этим предупреждением в голове. Он знал, что отсчитывает годы до того дня, когда увидит своего сына. Он знал, что девочка, которую он растит, станет ему невесткой и дочерью. Он знал, что судьба мира зависит от того, смогут ли они полюбить друг друга.

И он знал, что орки не успокоятся.

Ург-Хаш, вождь орков, чьё имя на их языке означало «Тот, кто грызёт кости», не забыл ни поражения, ни унижения. Он собирал силы в горах, ждал, когда печать союза ослабнет, когда мальчик и девочка встретятся, и тогда он нанесёт удар. Он знал о пророчестве. Он знал, что если дети не успеют стать одним целым, их кровь потеряет силу.

Но он не знал, что Драгомир уже об этом догадывается.

Прошло десять лет. Алекс, которому было почти одиннадцать, жил в горах среди демонов. Он научился их языку, их обычаям, их магии боли и созидания. Он не помнил своего отца, не помнил замка, только иногда во сне видел женщину с тёплыми глазами, которая пела ему колыбельные. Он стал сильным, гибким, его тело покрыли шрамы от ритуалов, но он не злился на свою судьбу.

Миранда, росшая в замке людей, тоже не знала правды. Она считала Драгомира отцом, Людмилу — матерью, а брата, пропавшего до её появления, — тайной, которую ей не рассказывали. Она была тихой, сдержанной, скрывала свои рога под густой чёлкой, которую никогда не стригла. Иногда, когда она смотрела вдаль, на горы, она чувствовала странный зов, которого не могла объяснить.

Драгомир готовился к их встрече. Он знал, что в день, когда они увидят друг друга, печать обновится. Но он также знал, что Ург-Хаш не будет ждать.

И в ту зиму, когда Алексу и Миранде исполнилось по одиннадцать, он отправил гонцов в горы с приказом привести мальчика в замок.

Гонцы не вернулись.

И тогда Драгомир понял, что время вышло. Он не знал, живы ли его сын и посланники. Он знал только, что орды Ург-Хаша снова движутся на юг, и что его дочь, приёмная дочь, которая носит в себе кровь врага, — единственная надежда на то, что мир не рухнет.

В канун Нового года он пришёл в комнату Миранды, сел на край её кровати и сказал:

— Завтра я приведу тебе друга. Он будет твоим братом. Он будет твоим мужем, когда вы вырастете. Ты должна принять его.

Миранда, которой было уже почти одиннадцать, но которая казалась старше, смотрела на него ясными тёмными глазами.

— Я знаю, — сказала она. — Я чувствую его. Он идёт.

И Драгомир понял, что печать уже начала действовать. Они чувствовали друг друга через леса и горы.

Орки, рыщущие у границ, тоже это почувствовали.

И началась охота.

Утром следующего дня, когда замок ещё спал, из утреннего тумана вышли двое: мальчик в чёрном плаще, весь в пыли и запёкшейся крови, и демон-проводник, который молча поклонился Драгомиру и исчез.

Алекс, одиннадцатилетний, с глазами, в которых отражались горы, стоял на пороге и смотрел на отца, которого не помнил.

— Я вернулся, — сказал он.

И в тот же миг Миранда, стоящая на лестнице, уронила чашу, которую несла.

Она упала на колени, потому что в груди что-то рванулось — тепло, боль, узнавание.

Они встретились глазами через всю длину зала.

И мир затаил дыхание.

А на востоке, за тремя хребтами, Ург-Хаш поднял свой боевой топор и приказал трубить сбор.

— Они встретились, — проревел он, и его голос разнёсся над лагерем, как гром. — Убейте их. Убейте обоих, пока они не стали единым целым.

Орки взревели в ответ, и тысячи костров вспыхнули, как звёзды, упавшие на землю.

Война началась.

Но она ещё не пришла к стенам замка.

И у детей был один день.

Один день, чтобы познакомиться.

Один день, чтобы стать братом и сестрой.

Один день, чтобы начать любить.

Или один день, чтобы умереть.

Так начиналась история, которая перевернёт мир с ног на голову. История о крови и пепле, о первых поцелуях и последних битвах, о двух детях, которым суждено было стать героями или монстрами — в зависимости от того, кто расскажет эту историю.

Но это уже следующая глава.

Глава 1. Рога под чёлкой

Замок встретил его запахом воска и старого дерева. Алекс остановился на пороге главного зала, и этот запах ударил в ноздри с такой силой, что у него закружилась голова. Он не помнил этого запаха. Он не помнил ничего из тех лет, когда его унесли в горы. Только сны — обрывки, в которых мелькали высокие окна, тяжёлые шторы и чей-то смех, похожий на звон колокольчиков. Но теперь, стоя здесь, он понимал, что сны не вдали. Замок был именно таким, каким он его себе представлял: холодным, каменным, пропахшим столетиями и чужими жизнями.

Его отец, король Драгомир, стоял у трона и смотрел на него с выражением, которое Алекс не мог прочитать. Горечь? Облегчение? Страх? Лицо короля было выточено из того же камня, что и стены, и только глаза — серые, с золотыми крапинками, как у самого Алекса, — выдавали бурю, что бушевала внутри.

— Ты вернулся, — сказал Драгомир, и голос его дрогнул на втором слоге.

— Я вернулся, — ответил Алекс, и эти слова прозвучали глухо. Он говорил на языке людей уже третий месяц, но гортанный акцент демонов всё ещё давал о себе знать, делая его речь тягучей и чуть звериной.

Король шагнул вперёд, протянул руку, но не дотронулся. Остановился в двух шагах, словно боялся, что сын исчезнет, если он коснётся его.

— Ты вырос, — сказал он. — Ты стал... другим.

— Горы меняют, — пожал плечами Алекс. Он не знал, что ещё сказать. В горах демоны не тратили слов на пустые приветствия. Там говорили только тогда, когда слова могли что-то изменить. Здесь же, в этом огромном зале, каждое слово казалось лишним.

Рядом с королём стояла королева Людмила. Её глаза были красными от слёз, и она сжимала пальцы так сильно, что кости побелели. Она тоже не решалась подойти. Алекс видел, как она хочет обнять его, прижать к груди, но что-то — страх, сомнение, или просто его холодный взгляд — удерживало её на месте.

— Ты, наверное, устал с дороги, — сказала она наконец. — Твои покои готовы. Комната рядом с нашими. Мы... мы думали, что тебе будет удобно.

— Благодарю, — кивнул Алекс, чувствуя, как тяжесть десяти лет давит на плечи. Он провёл в пути семь дней, прошёл через перевал, где снег лежал даже летом, и его ноги гудели от усталости. Но он не хотел спать. Он хотел понять, куда он попал и кто он теперь.

Король Драгомир шагнул к нему и положил руку на плечо. Прикосновение было тёплым, живым, и Алекс почувствовал, как сквозь одежду просачивается что-то, похожее на отцовскую любовь. Но он не знал, что с этим делать.

— Отдохни, — сказал король. — Вечером мы поговорим. Всё, что нужно было сказать за десять лет, мы скажем сегодня. Но сначала — отдых.

Алекс кивнул и позволил слуге проводить его в покои.

Комната оказалась меньше, чем он ожидал, но уютной. В камине горел огонь, на столе стояла тарелка с горячим мясом и хлебом, а у окна висели тяжёлые зелёные шторы, которые колыхались от сквозняка. Алекс сел на край кровати и провёл рукой по одеялу — оно было мягким, пахло лавандой, и эта мягкость казалась ему почти неприличной. В горах он спал на шкурах, на голой земле, на камнях, укрываясь плащом, который сам сшил из овечьей шерсти. Здесь же — пуховые подушки, шёлковые простыни. Казалось, мир людей был создан из того, что убаюкивает и усыпляет.

Он не хотел уснуть. Он хотел что-то сделать, куда-то пойти, но его ноги не слушались, и через мгновение он уже лежал, уткнувшись лицом в подушку, вдыхая чужой запах, и проваливался в сон без сновидений.

Его разбудил шум. Голоса, смех, топот ног в коридоре. Алекс открыл глаза и понял, что прошло несколько часов. За окном темнело, огонь в камине почти погас, и в комнате было прохладно. Он сел, потёр лицо и попытался вспомнить, где он. Потом вспомнил — и сердце сжалось.

Он в замке. Он сын короля. Он должен быть принцем. Но внутри он чувствовал себя чужим, как зверь, загнанный в клетку.

Раздался стук в дверь, и слуга просунул голову.

— Ваше высочество, король приглашает вас на ужин. Через час в малом зале.

— Я приду, — ответил Алекс и начал приводить себя в порядок. Он умылся холодной водой из кувшина, причесал длинные тёмные волосы, заплетая их так, как учили в горах — в одну тугую косу на затылке. Он посмотрел на себя в небольшое зеркало, стоящее на столике. Там отразилось лицо, которое он знал: острые скулы, тёмные брови, глаза, в которых, казалось, горел внутренний огонь. Но это было лицо человека, выросшего среди демонов, и оно не вписывалось ни в какие рамки.

Он вышел в коридор и пошёл в малый зал, стараясь запомнить дорогу. Замок был огромным, с множеством поворотов, лестниц и коридоров, и каждый шаг отдавался эхом от каменных стен. На стенах висели гобелены, изображавшие сцены из истории его рода, но Алекс не останавливался, чтобы их рассмотреть. Он боялся, что если остановится — не сможет пойти дальше.

В малом зале уже собрались несколько человек. Король Драгомир сидел во главе стола, рядом с ним — королева Людмила, бледная и напряжённая. Были и другие: советники, военачальники, какой-то старик с длинной седой бородой, который смотрел на Алекса с любопытством и одновременно с ужасом. Но всё внимание мальчика было приковано к фигурке, стоящей в углу у окна.

Девочка.

Та самая, которую он мельком увидел утром на лестнице. Она стояла, опустив голову, и длинная чёлка закрывала её лицо. Она была худой, одетой в простое платье, которое выглядело так, будто его сшили из мешковины. Её руки были опущены вдоль тела, и она сжимала пальцы в кулаки так сильно, что косточки побелели.

Алекс почувствовал, как что-то внутри него ёкнуло. Не боль, не страх — скорее, удивление. В горах демоны не прятали свои лица. Они гордились рогами, носили их как корону, украшали резьбой и камнями. Здесь же, в этом человеческом мире, девочка прятала свою суть за прядью волос, и это казалось Алексу неправильным, почти жестоким.

— Подойди, — сказал король Драгомир, обращаясь к девочке. — Познакомься с Алексом. Это твой... это твой названный брат.

Девочка подняла голову, и чёлка качнулась, открывая глаза — тёмные, почти чёрные, в которых отражался свет свечей. Она посмотрела на Алекса, и он почувствовал, как воздух между ними стал плотнее, как перед грозой. Она не улыбнулась, не кивнула, просто стояла и смотрела, и в этом взгляде было столько боли и надежды, что у Алекса перехватило дыхание.

— Здравствуй, — сказал он, и голос его прозвучал сишло. Он кашлянул и повторил: — Здравствуй. Я Алекс.

— Я знаю, — ответила она тихо. — Я — Миранда.

Слово упало на стол, как камень в воду, и вокруг него разошлись круги. Миранда. Алекс повторил это имя про себя и понял, что оно ему нравится. В нём было что-то тёплое, почти ласковое, как свет луны в горах, когда она висит прямо над головой и кажется, что до неё можно дотянуться рукой.

— Садитесь за стол, — скомандовал король, и все расселись. Алекс оказался рядом с Мирандой, и он чувствовал, как её плечо касается его локтя через тонкую ткань рубашки. Она пахла мылом и чем-то ещё — пряным, древесным, как кора старого дуба после дождя.

Ужин прошёл в напряжённой тишине. Королева пыталась завести разговор о погоде, о политике, но слова повисали в воздухе и падали, не достигая цели. Алекс почти не притронулся к еде. Он всё время косился на Миранду, которая тоже не ела, просто водила пальцем по краю тарелки, вырисовывая какие-то невидимые узоры.

Когда ужин закончился, король встал и сказал:

— Алекс, я хочу, чтобы ты побыл с Мирандой. Вы должны узнать друг друга. Идите в её комнату или в твою — вам нужно время.

Алекс кивнул, чувствуя, как внутри растёт странное волнение. Он посмотрел на Миранду, и она встретила его взгляд. В её глазах мелькнул вопрос: «Ты тоже этого боишься?»

— Пойдём, — сказал он, и она молча пошла за ним.

Комната Миранды была небольшой, почти как его, но более тёплой. На окнах висели алые шторы, и свет свечей отражался от них, окрашивая всё вокруг в розоватый цвет. На столе стояли старые книги, на подоконнике — глиняный горшок с засохшим цветком. В углу виднелась кровать, застеленная покрывалом с вышитыми демоническими знаками — Алекс узнал их. Это были руны защиты, которые в горах вырезали на дверях домов.

— Ты знаешь эти символы? — спросил он, указав на покрывало.

Миранда вздрогнула, словно он ударил её.

— Немного, — ответила она. — Мне никто не учил. Я сама вышила, по памяти. Я видела их во сне.

Алекс подошёл к кровати и провёл пальцем по рунам.

— Это «Щит Бездны», — сказал он. — В горах их рисуют на воротах, чтобы злые духи не вошли. Ты правильно вышила, но верхнюю петлю надо вытянуть дальше, иначе магия ослабнет.

Она посмотрела на него с удивлением.

— Ты знаешь язык демонов?

— Я жил среди них десять лет, — ответил Алекс просто, как будто это было самое обычное дело в мире. — Я говорю на нём лучше, чем по-человечески.

Миранда моргнула и, кажется, впервые за весь вечер чуть улыбнулась — уголки её губ дрогнули, и на щеках появились ямочки.

— Тогда научи меня, — сказала она. — Я хочу знать, откуда я.

Алекс кивнул, но в этот момент из-за пояса Миранды выскользнула маленькая фигурка — деревянный соловей, искусно вырезанный, с серебряными глазами и крыльями, которые можно было завести ключиком. Она подняла его и протянула Алексу.

— Это мой талисман, — сказала она. — Я не расстаюсь с ним с тех пор, как... как меня привезли сюда. Король Драгомир подарил его мне в первый день. Сказал, что он волшебный, но я так и не поняла, как он работает.

Алекс взял фигурку в руки. Деревянный соловей был старым, с потёртыми боками, но крылья блестели, и в них чувствовалась работа настоящего мастера. Алекс покрутил птичку, нашёл ключик на животе и несколько раз повернул его. Раздался тихий щелчок, и соловей открыл клюв, издавая тонкий, почти живой звук — трель, похожую на настоящую птичью песню.

— Смотри, — сказал он, и соловей запел, заполняя комнату нежной мелодией. Крылья его затрепетали, и он, казалось, вот-вот взлетит.

Миранда ахнула и протянула руки, чтобы взять его, но в этот момент Алекс случайно толкнул её локтем, и соловей выпал из его пальцев. Он упал на каменный пол, и его крыло сломалось с хрустом, похожим на звук переломанной кости.

— Ой! — воскликнула Миранда и бросилась на колени, поднимая игрушку. — Ты сломал его! Ты сломал моего соловья!

Голос её дрожал, и Алекс увидел, как в уголках её глаз появляются слёзы. Он почувствовал себя ужасно. Десять лет в горах он не позволял себе ни одной ошибки, потому что там ошибка стоила жизни. А здесь, в этой мягкой, безопасной комнате, он сломал вещь, которая была дорога этой девочке. Единственная вещь, которая связывала её с этим миром.

— Прости, — сказал он. — Я не хотел. Я...

Но Миранда не слушала его. Она села на пол, положила соловья на колени и стала разглядывать сломанное крыло. Тонкая деревянная планка треснула, и серебряный глаз выпал, покатавшись по полу.

Алекс поднял глаз и протянул ей, но она не взяла. Она смотрела на игрушку и, казалось, забыла, что он существует.

— Я могу починить, — сказал он, чувствуя, что слова звучат глупо. — Я умею работать с деревом. В горах мы сами делали всё.

— Нет, — ответила она тихо, почти беззвучно. — Это не сломать. Это нельзя починить.

И тогда она сделала то, чего Алекс не ожидал. Она поднесла сломанное крыло к своим губам и поцеловала его. А затем — укусила свой палец, так сильно, что выступила кровь. Тёмная, почти чёрная, с багровым отливом. Она капнула эту кровь на место разлома, и дерево... ожило. Трещина начала затягиваться, серебряный глаз встал на место, и через несколько мгновений соловей выглядел так, будто его никогда не ломали.

Алекс смотрел на это, раскрыв рот. Он знал магию крови. Он видел, как демоны лечили раны, заживляли кости, очищали отраву. Но он никогда не видел, чтобы ребёнок мог сделать это так легко, не прибегая к ритуалам. Миранда — она была сильной. Она была очень сильной, хотя, наверное, сама этого не знала.

Она подняла соловья, провела пальцем по его крыльям, и он издал ту же мелодичную трель, что и раньше. Затем она вздохнула и перевела взгляд на Алекса.

— Ты видел, — сказала она.

Это не был вопрос. Это было утверждение.

— Да, — ответил он. — Ты — демон. Ты — не просто человек с рогами. Ты — наследница.

— Я знаю, — сказала она. — Твой отец сказал мне, когда я была маленькая. Он сказал, что я — твоя будущая жена. Что когда мы вырастем, я должна буду... — Она запнулась, и щёки её залились румянцем. — Я должна буду стать твоей женой. Это какой-то древний союз. Но я не хочу. Не хочу быть чьей-то женой.

Алекс нахмурился. Он тоже знал об этом. Старейшина демонов рассказывал ему, что их брак — это не просто воля королей, а необходимость, которая укрепит союз между людьми и демонами. Но он никогда не думал, что это будет так... неловко. Он смотрел на Миранду, на её чёлку, скрывающую рожки, на её руки, которые только что творили магию, и понимал, что она такая же пленница, как и он.

— Не бойся, — сказал он. — Я не собираюсь жениться на тебе против твоей воли. Мы — дети. У нас есть время. Много времени. Мы можем просто быть друзьями. Или братом и сестрой. Как скажешь.

Миранда подняла на него глаза, и в них мелькнуло что-то, похожее на удивление.

— Правда?

— Правда, — кивнул Алекс. Он протянул руку и осторожно убрал прядь волос с её лица, чтобы увидеть рога. Они были маленькими, едва заметными, тёмными, с тонкими бороздками, как у старых деревьев. Он почувствовал желание прикоснуться к ним, но сдержался.

— Они красивые, — сказал он. — Ты не должна их прятать. В горах их все носят открыто.

— Здесь их сожгут, если увидят, — ответила она. — Я знаю. Я слышала, как слуги шепчутся. Они говорят, что я — порождение тьмы, что я принесла несчастье.

— Они глупцы, — отрезал Алекс. — Если кто-то посмеет тебя обидеть, я... я сделаю так, что они пожалеют.

Миранда улыбнулась — по-настоящему, широко, и её лицо преобразилось. Она вдруг стала живой, тёплой, почти весёлой. Она поднялась с пола, держа соловья в руке, и сказала:

— Ты странный, Алекс. Ты не похож на других людей.

— Я не человек, — ответил он. — Не совсем. Я был воспитан демонами. Я говорю на их языке. Я ем их еду. Я ношу их руны на теле. И я никогда не хотел быть принцем.

Миранда рассмеялась — тихо, звонко, как колокольчик, и этот смех согрел что-то внутри Алекса. Он чувствовал, что впервые за долгие годы он не один. Он чувствовал, что они — две половинки, случайно встретившиеся в этом жестоком мире.

— Хочешь поиграть? — вдруг спросила она. — Я знаю одну игру. Твой отец научил меня, когда я была совсем маленькой. Она называется «Осада замка». Я буду королевой, а ты — рыцарем, который защищает меня от драконов.

Алекс улыбнулся и кивнул. И они начали играть. Он изображал рыцаря, размахивая воображаемым мечом, она — королеву, которая прячется за креслом и даёт указания. Они смеялись, бегали по комнате, падали на подушки, и в какой-то момент Алекс почувствовал, что забыл обо всех тревогах, о горах, о своём прошлом.

Когда они остановились, чтобы перевести дух, Миранда села на пол, тяжело дыша, и сказала:

— Алекс, а что будет, если орки придут сюда? Если они узнают, что ты здесь?

— Я убью их, — ответил он просто. — Я научусь. Я стану сильным. Для тебя.

Она посмотрела на него снова, и в её взгляде было что-то взрослое, почти мудрое, что не вязалось с её детским лицом.

— Тогда я тоже буду сильной. Мы будем вместе. Да?

И Алекс, не зная, что скажет будущее, кивнул.

— Да. Вместе.

Они сидели на полу, прижавшись друг к другу, и механический соловей в руках Миранды всё пел и пел свою печальную, но красивую песню. За окнами сгущалась ночь, и в коридорах замка уже гасли свечи.

Никто из них не знал, что эта ночь — последняя ночь мира, который они знали.

Никто не знал, что уже завтра орки Ург-Хаша пойдут на приступ.

Но пока они были вместе, держались друг за друга, как два дерева, растущих из одного корня.

Алекс проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Он открыл глаза и увидел Миранду, стоящую над ним. Её лицо было бледным, а глаза широко распахнуты.

— Они идут, — прошептала она. — Я чувствую их запах. Орки. Они уже у ворот.

Алекс сел, чувствуя, как холодный страх разливается по телу.

— Сколько их?

— Тысячи, — ответила она. — Тысячи. Они пришли, чтобы убить нас. Всех.

Алекс вскочил, нащупал свой кинжал под подушкой и повернулся к Миранде. Она стояла, закутанная в одеяло, и её глаза горели огнём, который он никогда раньше не видел.

— Мы должны бежать, — сказала она. — Сейчас. Через подземный ход. Я знаю, где он. Я видела его во сне.

— Веди, — приказал Алекс, и они выбежали из комнаты.

За их спинами уже раздавались крики и лязг мечей. Замок горел.

Но впереди была тьма, и они шагнули в неё.

Держась за руки. Как брат и сестра.

Как те, кто не должен был выжить, но выжил.

Глава 2. Последний завтрак

Утро пришло не с солнцем, а с серым, тягучим светом, который просачивался сквозь тяжёлые шторы, как вода сквозь трещины в старом корыте. Алекс проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо, и первое, что он увидел, были тёмные глаза Миранды, в которых плескался страх, приправленный любопытством.

— Ты спишь? — спросила она шёпотом, хотя в комнате никого не было. — Твой отец зовёт нас на завтрак. Говорит, что это важно. Все советники будут там.

Алекс сел, почёсывая затылок, и попытался вспомнить, что снилось ему в эту ночь. Горы, снег, фиолетовые огни — обрывки, которые не складывались в картину. Он посмотрел на Миранду: она была одета в то же простое платье, что и вчера, но волосы были расчёсаны, а чёлка лежала так ровно, что ни один рог не выдавал себя.

— Ты не спала? — спросил он, зевая.

— Спала, — ответила она. — Но я чувствую... что-то нехорошее. Запах. Как будто кто-то жжёт мясо, только далеко. Очень далеко.

Алекс нахмурился. В горах демоны учили его прислушиваться к таким вещам. Запах горелого мяса означал костры, а костры в такое время года — только одно: армия. Но он не хотел пугать Миранду раньше времени. Он встал, умылся ледяной водой из кувшина, натянул чистую рубашку, которую слуги оставили на стуле, и повернулся к ней.

— Пойдём, — сказал он. — Посмотрим, что за важный завтрак.

Они вышли в коридор, и замок встретил их привычной суетой. Слуги сновали с подносами, где дымилась каша и поджаристый хлеб, факелы в настенных кольцах чадили, оставляя на каменных сводах копоть, а из большого зала доносились голоса — гулкие, уверенные, принадлежащие людям, которые привыкли принимать решения.

Большой зал оказался именно таким, каким Алекс представлял его по снам: высокий, с колоннами, увитыми выцветшими знамёнами, с огромным камином, где горели целые брёвна, и с длинным столом, за которым сидело не меньше двадцати человек. Во главе стола восседал король Драгомир, рядом с ним — королева Людмила, чьи глаза всё ещё были красными от вчерашних слёз, хотя она улыбалась, стараясь казаться спокойной.

По обе стороны от них выстроились советники, военачальники, какие-то старики с длинными бородами, которые что-то записывали в свитки, и даже один маг в синей мантии, сидящий чуть поодаль, с лицом, которое напоминало высушенную тыкву.

Когда Алекс и Миранда вошли, все взгляды устремились на них. Алекс почувствовал, как его кожа покрывается мурашками от пристального внимания, но он не опустил глаз. Он прошёл к столу, нашёл своё место — рядом с отцом, прямо напротив Миранды, которая села на другом конце, между королевой и каким-то толстым советником.

— Доброе утро, сын, — сказал король, и его голос был тёплым, почти отеческим, хотя Алекс всё ещё не привык к этому слову. — Надеюсь, ты хорошо спал.

— Спасибо, отец, — ответил Алекс, и слово «отец» показалось ему чужим, как камень, который он поднял с дороги и понятия не имел, куда его положить.

— Садись, садись, — махнул рукой Драгомир, и Алекс опустился на резной стул, обтянутый бархатом. Стул был слишком высоким для него, ноги едва доставали до пола, но он не показал вида, что ему неудобно.

На столе было всё, что только можно пожелать: жареные куропатки, каша с мёдом, свежий хлеб, сыры, виноград, кувшины с тёплым молоком и травяным чаем. Алекс уставился на эту гору еды с изумлением. В горах они ели скудно: каша из ячменя, вяленое мясо, иногда коренья. Никто не подавал им еду на серебряных блюдах.

— Ешь, ешь, — сказала королева Людмила, заметив его замешательство. — Ты слишком худой. В горах тебя, видимо, не кормили.

— Кормили, — ответил Алекс, беря кусок хлеба, который был таким мягким, что таял на языке. — Просто еда там проще.

Он посмотрел на Миранду. Она сидела неподвижно, сложив руки на коленях, и смотрела на приборы перед собой с таким видом, будто видела их впервые. А может, так и было. Слуги поставили перед ней тарелку с кашей, рядом положили ложку и вилку, но она не двигалась, глядя на эти предметы как на смертельных врагов.

— Миранда, — сказала королева с лёгкой ноткой раздражения, — возьми ложку и ешь. Это не ядовито.

Миранда подняла глаза, и в них мелькнула паника. Она взяла ложку, но не той рукой, и не так, как следовало, — пальцы сжали черенок, будто она держала кинжал. Она попыталась зачерпнуть кашу, но ложка выскользнула и упала на стол с глухим стуком, оставляя за собой липкий след.

В зале повисла тишина. Кто-то из советников хмыкнул, кто-то покачал головой. Королева Людмила нахмурилась, и на её лбу появилась глубокая складка.

— Миранда, — сказала она ледяным голосом, — мы воспитывали тебя десять лет. Неужели ты не выучила, как надо есть в приличном обществе?

Миранда покраснела так сильно, что даже чёлка, казалось, зарделась. Она опустила глаза и прошептала:

— Простите, ваше величество. Я... я не хотела.

Алекс почувствовал, как в груди поднимается волна гнева. Это была не её вина. Она просто не умела — и кто учил её? Слуги, которые боялись к ней прикоснуться? Королева, которая видела в ней чужое дитя? Он встал, подошёл к Миранде, взял её руку и сказал громко, чтобы все слышали:

— Не слушай их. Ты делаешь всё правильно. Просто у нас в горах едят руками. Там нет ложек.

— В горах, — фыркнул толстый советник с правой стороны. — В горах, говоришь? Ты сам-то, принц, сколько там прожил? Десять лет? И выучил только звериные повадки?

Алекс медленно повернулся к советнику. Его глаза потемнели, и в них мелькнул тот огонь, который демоны называли «кровью Бездны». Он не сказал ни слова, но старик, встретившись с ним взглядом, вдруг побледнел и отвёл глаза, словно понял, что перешёл черту.

— Довольно, — сказал король Драгомир, и его голос был твёрже, чем обычно. — Никто не смеет оскорблять моего сына и мою дочь. Ты, Аргот, извинишься, или я выгоню тебя с совета.

Советник Аргот замялся, пробормотал что-то невнятное, но извинился. Король перевёл взгляд на Миранду и улыбнулся — мягко, почти ласково.

— Не стесняйся, дитя, — сказал он. — Ешь, как тебе удобно. Мы здесь все свои.

Миранда посмотрела на короля с благодарностью, затем на Алекса, и Алекс заметил, как её пальцы чуть разжались. Она взяла кусок хлеба, отломала его и начала есть — неуклюже, но увереннее, чем минуту назад.

Завтрак продолжился. Гости разговаривали о политике, о налогах, о новых торговых путях. Алекс слушал вполуха, наблюдая за Мирандой. Она ела медленно, почти механически, но её голова была чуть приподнята, и ноздри её трепетали, словно она нюхала воздух. Он заметил это и перевёл взгляд на окна — они были затянуты плотными шторами, и снаружи не было видно ничего.

— Миранда, — сказал он тихо, когда король увлёкся спором с магом о том, сколько стоит новый мост через реку, — что ты чувствуешь?

Она подняла на него глаза, и в них было что-то тревожное, почти животное.

— Запах, — сказала она так же тихо, почти беззвучно. — Он становится сильнее. Как будто... как будто кто-то жжёт жир. Много жира. И железо. Сырое железо.

Алекс почувствовал, как в груди похолодело. Он знал этот запах. Он чувствовал его в горах, когда демоны готовились к битве. Жир, железо, пот — это пахли орчьи костры. И если Миранда чувствует их сейчас, значит, они уже близко.

— Расстояние? — спросил он шёпотом. — Сколько до них?

Она закрыла глаза, и её лицо стало сосредоточенным, почти страдальческим. Она словно вглядывалась в темноту за веками.

— Много миль, — ответила она. — Но они идут. Быстро. Они знают, что здесь есть... что здесь важно. Они ищут нас.

Алекс сжал кулак под столом. Ему хотелось вскочить, закричать, предупредить всех, но он знал, как это будет выглядеть: мальчишка, которого привезли из гор, и девочка-демон с рогами, которые она прячет, говорят о запахах. Их поднимут на смех, или, что хуже, запрут в башне, чтобы не мешали.

— Никому не говори, — сказал он быстро. — Не сейчас. Только мне. Мы придумаем, как защитить замок, но если мы скажем им об этом за завтраком, они подумают, что мы сошли с ума.

Миранда кивнула, но её глаза оставались тревожными. Она снова принялась за еду, но теперь её движения были резче, нервнее.

Король Драгомир, заметив, что его сын и приёмная дочь шепчутся, посмотрел на них с любопытством.

— Алекс, Миранда, — сказал он, — вы о чём-то таком важном говорите, что это нельзя сказать громко?

Алекс поднял голову и постарался улыбнуться — насколько это было возможно.

— Мы говорили о том, что Миранда впервые увидела море, когда ехала в замок, — сказал он. — Она никогда не видела воды так много.

Это была ложь, но убедительная. Король рассмеялся, и все присутствующие подхватили его смех, забыв о странных шёпотах.

— Море, — повторил Драгомир. — Миранда, если хочешь, я возьму вас обоих на юг, когда будет время. Там море такое синее, что кажется небом. Но пока — мы должны сосредоточиться на делах.

Он перевёл взгляд на советников, и разговор вернулся к обычным делам. Алекс выдохнул. Он чувствовал, как от Миранды исходит напряжение — электрическое, почти осязаемое, и понимал, что она едва держит себя в руках.

Завтрак закончился через час. Гости расходились, кто-то шёл на заседания, кто-то в библиотеку, кто-то на тренировочный двор. Королева Людмила подошла к Миранде, поправила ей воротник и сказала с показной нежностью:

— Дочь, тебе стоит поучиться этикету. Я попрошу одну из фрейлин позаниматься с тобой сегодня. Это необходимо, чтобы ты чувствовала себя увереннее среди знати.

Миранда молча кивнула, но Алекс заметил, как её руки под столом сжались в кулаки. Он подошёл к ней, взял за запястье и сказал так, чтобы слышала только она:

— Не слушай их. Ты прекрасна такая, какая есть. Но сейчас нам нужно уйти. Нам нужно поговорить — наедине.

Он повёл её через зал, мимо советников, мимо старика-мага, который провожал их подозрительным взглядом, и вывел в боковой коридор, ведущий в сад.

— Куда мы идём? — спросила Миранда, когда они оказались на улице, где осенний ветер трепал её чёлку.

— Туда, где никто нас не услышит, — ответил Алекс, увлекая её к старой каменной беседке, увитой плющом, стоявшей в самом дальнем углу сада. — Мы должны обсудить, что делать.

Они зашли внутрь. Солнце пробивалось сквозь густые листья, но свет был тусклым, почти вечерним. Сели на каменную скамью, покрытую мхом, и Алекс повернулся к Миранде.

— Скажи мне точно, — сказал он. — Сколько у нас времени?

Миранда закрыла глаза, принялась, и её лицо стало сосредоточенным.

— Час, — ответила она. — Может, два. Они ускорятся, когда поймут, что мы их чувствуем.

— Они знают, что ты здесь? — спросил Алекс.

— Думаю, да. Они ищут ту, что пахнет как демон. И они знают, что в этом замке есть демон. Они придут за мной.

Алекс почувствовал, как в груди закипает холодная ярость. Он не знал, почему защищает эту девочку — может, потому что она была единственной, кто не смотрел на него с презрением, единственной, кто понимал его боль, единственной, кто разделял его чужеродность.

— Они не получают тебя, — сказал он. — Никогда.

— А как ты их остановишь? — спросила она, и в её голосе была горечь. — Ты — мальчик, который знает горы. Я — девочка, которая ничего не умеет. Мы не воины.

— Мы станем, — сказал Алекс, и его голос был твёрже камня. — Я не знаю как, но мы станем. Ты слышишь? Мы выживем.

Она посмотрела на него, и в её глазах мелькнула искра — та же, что и вчера, когда она чинила соловья. Она верила ему. Или, по крайней мере, хотела верить.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда помоги мне. Расскажи, что нужно делать. Ты — принц. Ты должен знать этот замок, его стены, его тайные ходы.

Алекс нахмурился. Он не знал замка. Он провёл в нём всего один день. Но он знал горы, а горы — это были те же крепости, только из камня и снега.

— Подземные ходы, — сказал он, вспоминая слова отца, сказанные вчера на ужине. — Под этим замком есть старые ходы, которые ведут в лес. Они были построены, чтобы бежать в случае осады. Если мы не сможем удержать стены, мы уйдём через них.

— А твои родители? — спросила Миранда. — Мы оставим их?

Алекс закрыл глаза. Он не знал отца. Он не знал мать. Он хотел сказать, что они ему чужие, но что-то внутри него сопротивлялось. Они были его кровью, даже если он не чувствовал её.

— Мы предупредим их, — сказал он. — Но если они не послушают... мы должны спасти себя. Для того чтобы вернуться и спасти их потом.

Миранда кивнула. Она поняла. Она была демоном, а демоны всегда рассчитывали на себя.

Они сидели в беседке, прижавшись плечами, и ветер снаружи завывал всё сильнее, предвещая бурю. Над замком сгустились тучи, и первые капли дождя уже стучали по листьям.

— Идём, — сказал Алекс, вставая. — Мы должны быть готовы.

Они вышли из беседки и пошли обратно в замок, но в этот момент Миранда вдруг остановилась, схватив его за рукав. Её лицо было белым, как полотно.

— Алекс, — прошептала она. — Они уже здесь. Я слышу их. Они у ворот.

Алекс прислушался. За шумом ветра и дождя он услышал далёкий рёв — нечеловеческий, низкий, как рык зверя, который поднимается из самой глубины земли.

— Бежим, — сказал он, и они бросились к замку.

Внутри уже царил паника. Слуги бегали с криками, воины хватали мечи, кто-то пытался запереть ворота. Король Драгомир стоял на лестнице, обнажив клинок, и орал приказы, но его голос тонул в общем хаосе.

— Алекс! Миранда! — крикнул он, увидев их. — Ко мне! Быстро!

Они подбежали к нему, и король схватил их за плечи.

— Слушайте меня, — сказал он твёрдо. — Орки атакуют. Вы должны бежать. Через подземный ход. Миранда знает его, она видела его во сне. Бегите в лес, идите на юг, к морю. Там найдёте убежище.

— Но вы... — начал Алекс.

— Я буду держать их здесь, — перебил Драгомир. — Вы — будущее. Вы должны выжить любой ценой. А теперь — бегите!

Он подтолкнул их в сторону тайной двери, замаскированной под гобелен, и Алекс увидел, как Миранда, не колеблясь, рванулась вперёд, открывая проход.

Они шагнули во тьму, и за их спиной раздался грохот — это рухнули ворота.

Алекс слышал, как орки врываются в замок, и крики умирающих людей, и звон мечей, но он не обернулся. Он схватил Миранду за руку и побежал по узкому тоннелю, где стены были влажными, а воздух — спёртым и холодным.

Тоннель уходил вниз, потом поворачивал, и они бежали, спотыкаясь в темноте, не зная, куда ведёт этот путь.

— Ты знаешь дорогу? — спросил Алекс, переводя дыхание.

— Знаю, — ответила Миранда. — Я видела её во сне каждую ночь. Это выход к реке.

Они бежали, и в голове Алекса пульсировала одна мысль: они выживут. Они должны выжить. Ради него, ради неё, ради тех, кто остался наверху.

Когда они вышли на поверхность, через трещину в скале, замок уже горел. Пламя поднималось к небу, смешиваясь с дождём, и ветер доносил запах гари и крови.

Миранда, стоя рядом с Алексом, смотрела на огонь, и на её щеках блестели слёзы — смешанные с дождём.

— Мы вернёмся, — сказал Алекс, беря её за руку. — Мы вернёмся и отвоюем его обратно. Клянусь.

Она кивнула, и они двинулись в лес, скрываясь среди деревьев, чтобы оставить позади всё, что было их домом.

Впереди была только дорога. Дорога в неизвестность.

Но они были не одни. У них было друг у друга, и этого было достаточно, чтобы идти дальше.

Глава 3. Дорога в никуда

Лес встретил их мокрым, цепким холодом, который пробирался под одежду и оседал на коже липкой росой. Алекс и Миранда бежали, не разбирая дороги, спотыкаясь о корни и падая в ямы, скрытые опавшей листвой. Позади остался горящий замок — оранжевое зарево разрывало ночное небо, и даже сквозь толщу деревьев было видно, как пламя лижет башни, превращая камень в пепел.

Алекс чувствовал, как лёгкие горят от бега, как мышцы ног немеют от напряжения, но он не мог остановиться. Рядом Миранда дышала так же тяжело, её рука вцепилась в его запястье так сильно, что пальцы, казалось, оставляют следы на коже. Они бежали молча, потому что слова были лишними — каждый звук, каждый крик, каждый вздох мог стать сигналом для тех, кто шёл по их следу.

Лес становился гуще. Деревья здесь росли странно — их стволы были искривлены, словно их выворачивали изнутри, а ветви тянулись не к небу, а к земле, образуя непроходимые заросли. Ветви были покрыты тёмной корой, которая на ощупь казалась влажной и липкой, как старая смола. Воздух наполнился резким, терпким запахом хвои и ещё чем-то сладковатым, приторным, отчего кружилась голова.

Когда ноги окончательно отказались бежать, Алекс остановился, опёрся руками о колени и попытался отдышаться. Сердце колотилось где-то в горле, и каждый вдох отдавался болью в груди.

— Дальше... не могу, — выдохнул он, и голос прозвучал хрипло, как у старого кузнеца.

— Там... река, — прошептала Миранда, указывая куда-то вперёд, в темноту. — Я слышу её. Она заглушит наши следы.

Алекс поднял голову и прислушался. Действительно, где-то впереди слышался плеск — негромкий, убаюкивающий, но отчётливый. Они двинулись дальше, уже не бегом, а быстрым шагом, прокладывая путь сквозь заросли колючего кустарника, который цеплялся за одежду и царапал кожу.

Река оказалась неширокой, но быстрой. Вода в ней была тёмной, почти чёрной, и лишь отблески далёкого пожара золотили поверхность. Алекс опустился на колени у самой воды и зачерпнул пригоршню — она была ледяной, почти обжигающей, и он жадно припал к ней губами, чувствуя, как холод разливается по горлу.

Миранда стояла рядом, глядя на воду, и в её глазах отражалось далёкое пламя.

— Они не перейдут через реку, — сказала она. — Орки боятся текучей воды. У них нет магии, чтобы её переступить.

— Ты уверена? — спросил Алекс, вытирая мокрый рот рукавом.

Она кивнула, и в её жесте было что-то от уверенности, которой он в ней раньше не замечал. В замке она казалась робкой, потерянной, но здесь, в лесу, её плечи распрямились, а шаги стали твёрже.

— У нас есть немного времени, — сказала она. — Но мы должны идти. Они найдут обход. Орки всегда находят обход.

Алекс поднялся. Ноги дрожали, мышцы гудели, и в голове стучала тупая боль. Он посмотрел на Миранду — она тоже выглядела уставшей, но в её глазах горел огонь, который не давал ей сдаться.

Они перешли реку вброд, держась за руки, чтобы течение не сбilo их с ног. Вода поднималась до пояса, холодная, как зимний ветер, и когда они выбрались на другой берег, зубы у обоих стучали от холода.

— Надо развести костёр, — сказал Алекс, глядя на свои дрожащие руки. — Мы замёрзнем.

— Костёр заметят, — возразила Миранда, но голос её дрожал так же сильно, как и его.

— Лучше замёрзнуть, чем сгореть, — сказал он и двинулся вглубь леса, собирая сухие ветки, которые удалось найти в этом влажном, пропитанном сыростью месте.

Миранда стояла в стороне, глядя, как он пытается разжечь огонь с помощью кремня, который носил в кармане. Но пальцы не слушались, дрожь мешала, и искры падали мимо трута, не зажигая его.

— Дай я, — сказала Миранда, подходя ближе.

— Ты умеешь? — спросил Алекс, удивлённый тем, что она вообще знает, как это делать.

— Нет, — ответила она просто, опускаясь на корточки рядом с ним. — Но я хочу попробовать.

Она взяла кремень в руки, и Алекс заметил, что её пальцы, в отличие от его, почти не дрожали. Она ударила камнем о сталь, и искра вспыхнула — ярче, чем у него, словно огонь знал её и откликнулся на зов. Трут задымился, разгораясь, и через мгновение тонкий язычок пламени лизнул сухую траву.

— Откуда ты умеешь это? — спросил Алекс, глядя, как огонь расползается по веткам.

— Я не умею, — повторила она. — Просто... я хотела, чтобы он загорелся. И он загорелся.

Алекс нахмурился, но не стал спорить. Он понял, что Миранда говорит правду — её магия, та самая, что чинила соловья, работала не только с деревом, но и с огнём. Она не осознала этого, но её желание было сильнее любого заклинания.

Огонь разгорелся, и они сели рядом, прижимаясь друг к другу, чтобы согреться. Ветки трещали, и их треск казался слишком громким в тишине ночного леса. Где-то ухал филин, и ветер шумел в кронах, но все эти звуки казались далёкими, нереальными, как сон.

Миранда сидела, обхватив колени руками, и её лицо было бледным, почти белым в свете костра. Алекс смотрел на неё и думал о том, как странно устроен мир: вчера они были в замке, где им подавали ужин на серебряных тарелках, а сегодня они сидят у костра в лесу, и у них нет ничего, кроме мокрой одежды и друг друга.

— Он сгорел, — сказала Миранда внезапно, и голос её был пустым, безжизненным. — Весь замок. Все, кто был там, сгорели.

— Мы не знаем этого, — ответил Алекс, хотя в глубине души он знал, что она права. Орки не оставляют выживших.

— Я чувствую их, — прошептала она. — Я чувствую запах... пепла. И крови. Много крови.

— Перестань, — сказал Алекс резче, чем хотел. — Ты не должна чувствовать это. Не сейчас.

Миранда подняла голову и посмотрела на него. Её глаза были влажными, но она не плакала. Она сдерживала слёзы, и это делало её лицо жёстким, почти злым.

— Тогда скажи мне, что нам делать, — сказала она. — Ты — принц. Ты должен знать.

— Я не принц, — ответил Алекс, и эти слова прозвучали горько. — В горах я был просто мальчиком. Чужим мальчиком, который учился их языку, их магии, их обычаям. А здесь, в вашем мире, я — никто. Я не знаю замков, не знаю людей, не знаю, как здесь выживают.

Миранда замолчала. Она смотрела на огонь, и в её глазах плясали отблески пламени. Прошло несколько минут, прежде чем она заговорила снова.

— Тогда мы должны стать кем-то другим, — сказала она. — Мы не можем быть принцем и принцессой. Мы не можем быть наследниками престола, за которыми охотятся орки. Нам нужно... притворяться.

Алекс поднял брови.

— Притворяться?

— Да, — она повернулась к нему, и в её глазах мелькнула твёрдость, которой он раньше не замечал. — Если скажешь, кто ты на самом деле — тебя продадут оркам за выкуп. Если скажешь, кто я — меня сожгут на костре за связь с демонами. Мы должны быть братом и сестрой. Сиротами из сгоревшей деревни. Простыми детьми, которые никому не нужны.

Алекс почувствовал, как по коже пробежал холод, не связанный с погодой. Она была права. Мир, в который они попали, не прощал слабости и не щадил тех, кто выделялся. Они должны были стать невидимыми, раствориться в толпе, чтобы выжить.

— Брат и сестра, — повторил он, пробуя слова на вкус. — Хорошо. Но как мы объясним, что у нас разные имена? Алекс и Миранда — это звучит как... как что-то чужое.

— Мы скажем, что у нас разные матери, — ответила она. — Отец женился дважды. Это бывает. В деревнях такое часто случается.

Алекс кивнул, чувствуя, как внутри него медленно укладывается новая реальность. Он больше не принц. Она больше не принцесса. Они — просто два ребёнка, бегущие от войны.

— И ещё, — добавила она, глядя ему прямо в глаза. — Никогда не показывай, что ты умеешь то, чего не умеют обычные люди. Твои навыки из гор — они могут нас выдать. Если кто-то увидит, что ты говоришь на языке демонов или знаешь их руны, нас убьют.

— Я понял, — сказал он. — И ты тоже не показывай свою магию. Никому.

— Я и не собиралась, — ответила она. — Я боюсь её. Я боюсь того, что могу сделать.

Они замолчали, и ночь вокруг них сгустилась, как старая рана, покрытая коркой. Огонь трещал, и на его фоне лес казался живым, дышащим существом, которое наблюдало за ними, оценивало, решало, достойны ли они того, чтобы жить дальше.

Алекс протянул руки к огню, чтобы согреть их, и в этот момент он заметил, что его пальцы покрыты мелкими порезами и ссадинами — следы от веток и камней, о которые он ударялся во время бега. Одна из ран, на указательном пальце, была особенно глубокой, из неё сочилась кровь.

— Больно? — спросила Миранда, заметив его взгляд.

— Немного, — признался он. — Но это ерунда. Заживёт.

Она взяла его руку в свои ладони и поднесла к лицу. Алекс замер, не понимая, что она собирается сделать. Миранда открыла рот и лизнула рану — осторожно, почти невесомо, и её слюна оставила на коже влажный, тёплый след.

— Что ты делаешь? — спросил Алекс, пытаясь отдернуть руку, но она держала её крепко.

— Лечу, — ответила она просто. — Моя кровь и моя слюна... они заживляют. Я не знаю, почему, но так всегда было. Когда я царапалась в детстве, я облизывала рану, и она затягивалась за несколько минут.

Алекс смотрел на свою руку, и страх, отвращение, удивление смешивались в нём в странный коктейль. Он чувствовал, как по коже бегут мурашки, и в то же время — как рана действительно начинает затягиваться, края её смыкаются, боль уходит.

— Это... это нечеловечно, — сказал он тихо.

— Я и не человек, — ответила она, отпуская его руку. — Ты знал это. Ты видел мои рога.

Алекс опустил глаза. Да, он видел их. Он знал, что она — демон, наследница Бездны, существо, которого люди боялись и ненавидели. Но сейчас, глядя на неё, он не видел монстра. Он видел девочку, такую же напуганную и потерянную, как он сам.

— Мне не нравится это, — сказал он честно. — То, что ты сделала. Это... странно. Твоя слюна на моей коже. Это неправильно.

Миранда опустила глаза, и на её лице мелькнула боль.

— Я знаю, — сказала она. — В замке люди тоже боялись меня. Слуги перекрёстно шептались, когда я проходила мимо. Королева Людмила... она никогда не обнимала меня. Ни разу. Думала, что я заражу её чем-то.

— Я не боюсь тебя, — сказал Алекс, и это была правда. Ему было странно, необычно, даже немного противно, но не страшно. — Просто... мне нужно привыкнуть.

Она кивнула, и в этом жесте было столько понимания, что Алексу стало не по себе. Она привыкла, что её боятся. Она смирилась с этим. И это было хуже, чем любая рана.

Они сидели у костра до самого рассвета, почти не разговаривая. Лес вокруг них постепенно освещался серым, болезненным светом, и деревья выступали из тьмы, как старые, сгорбленные старцы, покрытые лишайником и мхом. Ветки плакали смолой — она стекала по коре и застывала янтарными каплями, которые искрились в первых лучах солнца.

Алекс встал, размял затёкшие ноги и посмотрел на восток. Там, где должен был быть замок, не было ничего — только дым, поднимающийся к серому небу. Весь мир казался серым, безжизненным, и только крошечный огонёк в его груди, где-то глубоко внутри, говорил ему, что ещё не всё потеряно.

— Мы должны идти, — сказал он, поворачиваясь к Миранде. — Нужно найти деревню или город. Там мы сможем раздобыть еду и одежду.

— И информацию, — добавила она. — Мы должны узнать, что случилось с замком. Жив ли кто-то ещё.

Алекс кивнул и протянул ей руку, чтобы помочь встать. Она приняла её, и на мгновение их пальцы сжались в крепком рукопожатии, словно они заключали новый союз — союз выживших.

— С этого момента, — сказал он, глядя ей в глаза, — ты — моя сестра Мира. Просто Мира. И я — твой брат Алексей. Мы из деревни Заречье. Её сожгли орки, и мы бежали в лес.

— А почему мы не остались с другими беженцами? — спросила она, входя в роль.

— Потому что мы потерялись в темноте, — ответил он. — И теперь ищем дорогу к морю, где живёт наша тётя.

Она улыбнулась — впервые после того, как они покинули замок, и эта улыбка была тёплой, почти радостной.

— Ты быстро учишься, — сказала она.

— У демонов была хорошая школа, — ответил он, и в его голосе послышались нотки гордости. — Там учили говорить правду так, чтобы она звучала как ложь, и ложь так, чтобы она звучала как правда.

Они двинулись в путь, держась за руки, чтобы не потеряться в этом странном, чужом лесу. Смола с веток капала на их одежду, оставляя липкие пятна, и пахло хвоей, и сыростью, и чем-то ещё — сладким, терпким, что проникало в лёгкие и кружило голову.

Через час они вышли на едва заметную тропу, протоптанную охотниками или лесниками. Тропа вела на юг, и Алекс решил идти по ней, надеясь, что она приведёт их к людям.

Миранда шла рядом, и её шаги были лёгкими, почти бесшумными. Она умела ходить по лесу — это было заметно, и Алекс понял, что её демоническая природа помогает ей сливаться с природой, быть её частью.

— Почему ты молчишь? — спросила она, когда они прошли ещё час.

— Думаю, — ответил он. — О том, что будет дальше. Как мы выживем. Чем будем питаться. Где спать.

— Это просто, — сказала она. — Мы будем есть то, что найдём в лесу. Ягоды, орехи, грибы. Если повезёт — поймем рыбу или мелкого зверя. Спать будем в дуплах деревьев или под корнями. Это не так страшно, как кажется.

— Ты делала это раньше? — спросил он с удивлением.

— Нет, — ответила она. — Но я много читала. В замке была библиотека. Я читала книги о выживании, о лесах, о том, как жили наши предки.

Алекс улыбнулся. Ему нравилось, что она не сдаётся, что она ищет способы жить, даже когда всё вокруг рушится.

— Тогда веди, — сказал он. — Показывай, что ты узнала из своих книг.

И она повела. Она находила съедобные грибы, показывала, как отличить их от ядовитых, указала на следы зайца и объяснила, что если идти по ним, то можно найти его нору. Она говорила о деревьях, о их коре, о том, что липа даёт сладкий сок, а берёзу можно использовать для разжигания костра даже в сырую погоду.

Алекс слушал и удивлялся. Он думал, что она слабая, что она не выживет без помощи. Но Миранда оказалась сильнее, чем он предполагал. Она была умной, наблюдательной и, что важнее всего, она была готова бороться.

Когда солнце поднялось выше, они остановились у небольшого ручья, чтобы напиться и передохнуть. Алекс развёл костёр, и Миранда, как и обещала, показала, как сложить ветки так, чтобы огонь горел долго и ровно.

— Мы справимся, — сказал он, глядя на огонь. — Мы выживем.

— Я знаю, — ответила она. — Потому что я верю в тебя.

Эти слова согрели его больше, чем любой огонь. Он взял её за руку и сказал:

— Спасибо, что ты со мной.

— Спасибо, что ты спас меня, — ответила она. — Если бы не ты, я бы осталась в том замке. И сгорела бы вместе с ним.

Алекс не ответил. Он смотрел на огонь и думал о том, что впереди их ждёт долгий путь, полный опасностей и боли. Но теперь он знал, что они пройдут его вместе. Как брат и сестра. Как два осколка, которые должны были соединиться, чтобы стать единым целым.

Лес плакал смолой вокруг них, но внутри у Алекса было тепло. Тепло надежды.

Глава 4. Рев с гор

Тишина пришла первой. Не та тишина, что бывает в лесу по ночам, когда ветер затихает и даже птицы перестают кричать, а та, что рвёт барабанные перепонки, давит на уши, заставляет сердце биться в горле. Алекс почувствовал её за мгновение до того, как увидел.

Они возвращались в замок, когда небо на востоке вдруг стало тёмным, хотя солнце уже поднялось над горизонтом. Не тучи — что-то другое, живое, движущееся, что застило свет, как огромная стая саранчи. Ветра не было, но листья на деревьях дрожали, словно их тряс невидимый великан. И в этой дрожи не было слышно ни звука — только вибрация, которая проходила сквозь землю и поднималась по ногам, заставляя зубы стучать.

Миранда остановилась первой. Её лицо побелело, и она вцепилась в рукав Алекса так, что ногти впились в ткань.

— Они идут, — прошептала она, и голос её был тише, чем дыхание. — Не смотри на них. Не смотри в ту сторону.

Но Алекс уже смотрел. Из-за гребня холма, где заканчивался лес, поднималась волна — не вода, а плоть. Тысячи тел, покрытых ржавой бронёй, с топорами и щитами, с рогами, вырезанными из костей врагов, с лицами, которые нельзя было назвать человеческими. Орки. Их было так много, что они казались единым существом, чудовищем, которое ползло по земле, перемалывая всё на своём пути.

И вместе с ними шла Тишина. Алекс не знал, как назвать это иначе. Орки не кричали, не ревели, не били в барабаны. Они шли молча, и только топот тысяч ног — глухой, ритмичный, как сердцебиение земли — доносился до ушей. Но даже этот топот был приглушённым, словно шёл из-под воды.

— Глухая магия, — сказал Алекс, вспоминая уроки демонов. — Они используют её, чтобы подавить крики. Чтобы жертвы не могли звать на помощь.

— Мы должны бежать, — сказала Миранда. — Сейчас. Они уже у ворот.

Но Алекс не мог оторвать взгляда от волны. Он видел, как орки достигли внешней стены, как они начали карабкаться по ней, цепляясь когтями за камни, как их тела падали и снова поднимались, и всё это — в полной, абсолютной тишине. Только хруст камней, только звон металла, но без криков, без предупреждений. Замок молчал. Люди в нём молчали. Мир молчал.

Они побежали, когда первые орки перевалили через стену. Алекс схватил Миранду за руку и потащил её к задним воротам, но они были уже закрыты — кто-то успел запереть их изнутри. Он ударил кулаком по дереву, но доски были толстыми, окованными железом.

— Через чёрный ход, — сказал он, вспоминая, как они вчера проходили мимо. — Для слуг. Он ведёт в кухню.

Они бросились в обход, петляя между хозяйственными постройками, и Алекс слышал, как за их спинами падают тела — мягкий звук, который не сопровождался криками. Тишина поглощала всё, даже смерть.

Чёрный ход оказался открытым. Алекс втолкнул Миранду внутрь и захлопнул за собой дверь, задвинув тяжёлый засов. Они стояли в тёмном коридоре, тяжело дыша, и до них доносились звуки битвы — но приглушённые, словно через толщу воды. Звон мечей, хруст костей, топот сапог — всё это было где-то рядом, но одновременно далеко, в другом мире.

— Подземный ход, — сказал Алекс, переводя дыхание. — Где он?

Миранда закрыла глаза, и её лицо стало сосредоточенным, почти страдальческим.

— Там, — сказала она, указывая на стену, где висел гобелен с изображением охоты. — За ним. Я видела его во сне. Он ведёт вниз, под замок.

Алекс сорвал гобелен, и за ним открылась каменная дверь — почти невидимая, сливающаяся со стеной. Он нажал на неё, и дверь бесшумно отворилась, открывая узкий проход, уходящий в темноту.

— Идём, — сказал он, заталкивая Миранду вперёд. — Ты знаешь дорогу. Веди.

Она шагнула в темноту, и Алекс последовал за ней, закрывая за собой дверь. Они оказались в узком тоннеле, где стены были влажными, а воздух — спёртым и холодным. Свет из коридора почти не проникал сюда, и они шли наощупь, касаясь стен и пола, чтобы не споткнуться.

Тоннель уходил вниз, потом поворачивал, потом снова уходил вниз. Алекс чувствовал, как его дыхание становится всё тяжелее, как ноги немеют от напряжения, но он не останавливался. Где-то наверху, над ними, замок умирал, и они не могли ничем ему помочь.

— Мы выйдем к реке, — сказала Миранда, её голос гулко отражался от стен. — Там, где старый мост. Его давно не используют, но он ещё цел.

— Сколько до выхода? — спросил Алекс.

— Не знаю, — ответила она. — Во сне я шла дольше. Но мы почти на месте.

Она была права. Через несколько минут они увидели впереди серый свет — не яркий, но достаточный, чтобы различить очертания тоннеля. Свет пробивался через узкую расщелину в скале, и когда они подошли ближе, Алекс увидел, что это выход.

Он выглянул наружу. Река, о которой говорила Миранда, протекала внизу, и старый каменный мост действительно стоял — полуразрушенный, покрытый мхом, но ещё достаточно крепкий, чтобы по нему можно было пройти. Лес начинался сразу за мостом, и Алекс почувствовал, как надежда вспыхивает в его груди.

— Быстрее, — сказал он, вытаскивая Миранду из тоннеля. — Мы должны перейти мост, пока они не нашли нас.

Они побежали по мосту, и камни под их ногами дрожали, словно мост вот-вот рухнет. Вода в реке была тёмной, почти чёрной, и в ней отражалось зарево пожара — замок горел. Пламя поднималось к небу, смешиваясь с дымом, и даже отсюда, с моста, было видно, как падают башни, как рушатся стены.

Миранда остановилась на середине моста и посмотрела назад. Её лицо было мокрым от слёз, и она дрожала, хотя ветра не было.

— Все погибли, — прошептала она. — Я чувствую их. Я чувствую, как они умирают.

— Не смотри, — сказал Алекс, беря её за руку. — Не смотри, Миранда. Мы должны идти.

— Королева, — сказала она, и голос её дрогнул. — Я видела её. Она стояла у двери в нашу комнату. Она заслонила её собой, когда орки ворвались. Она... она держала меч. У неё не было меча, Алекс. Она не умела им пользоваться.

Алекс закрыл глаза. Королева Людмила, женщина, которая боялась дотронуться до приёмной дочери, но которая умерла, защищая её комнату. Она не любила Миранду, но она защищала её. И теперь она была мертва.

— Она сделала это ради тебя, — сказал Алекс, и голос его был хриплым. — Она хотела, чтобы ты выжила. Ты не можешь подвести её.

Миранда вытерла слёзы рукавом и кивнула. Она повернулась к лесу и пошла вперёд, и Алекс пошёл за ней, чувствуя, как каждый шаг отдаётся болью в груди.

Лес встретил их мокрым, холодным воздухом. Ветки деревьев были покрыты инеем, хотя осень ещё не вступила в свои права, и земля под ногами была влажной, скользкой. Они шли, не разбирая дороги, пока зарево пожара не скрылось за деревьями.

И тогда Алекс остановился. Он опустился на колени и упёрся руками в землю. Его тело дрожало, и он чувствовал, как где-то внутри, в самой глубине, что-то ломается. Он не плакал — он не мог. Но он чувствовал, как мир рушится вокруг него, как всё, что он знал, исчезает в дыму и пепле.

— Мы не должны останавливаться, — сказала Миранда, стоя рядом с ним. — Они идут за нами. Они знают, что мы выжили.

— Дай мне минуту, — выдохнул Алекс. — Просто минуту.

Она не стала спорить. Она села рядом с ним на влажную землю и положила руку ему на плечо. Прикосновение было лёгким, почти невесомым, но оно согревало, и Алекс чувствовал, как тепло от её пальцев разливается по телу, снимая напряжение.

— Ты был прав, — сказала она. — Мы должны притворяться. Мы должны быть сильными. Но сейчас, здесь, ты можешь быть слабым. Только сейчас.

Алекс поднял голову и посмотрел на неё. В её глазах не было страха. Там было что-то другое — твёрдость, которую он не замечал раньше. Она была сильнее, чем казалась. Она всегда была сильнее.

— Как ты это делаешь? — спросил он. — Как ты можешь оставаться спокойной, когда весь мир рушится?

Она улыбнулась — печально, почти грустно.

— Я жила в этом мире десять лет, — сказала она. — Десять лет я знала, что я чужая. Что меня могут убить в любой момент. Что люди, которые меня окружают, боятся меня. Я привыкла жить с этим страхом. Он стал моим другом.

Алекс молчал, впитывая её слова. Он никогда не думал о том, что она чувствовала в замке. Он думал только о себе, о своей боли, о своей потере. Но она потеряла не меньше. Она потеряла королеву, которая не любила её, но защищала. Она потеряла замок, который был её домом, даже если в нём не было любви.

— Мы будем вместе, — сказал он. — Клянусь. Мы будем держаться друг за друга. Никто не разлучит нас.

Она сжала его плечо и кивнула.

— Ты сказал, что мы — брат и сестра, — сказала она. — Тогда веди меня, брат. Веди меня в этот новый мир.

Алекс встал, отряхнул колени от земли и протянул ей руку. Она взяла её, и они двинулись дальше, вглубь леса, оставляя за спиной дым и пепел.

Они шли до самого вечера, пока ноги не начали отказываться их носить. Лес становился гуще, темнее, и Алекс понял, что они заблудились. Тропа, по которой они шли, растворилась в траве и мхе, и они брели наугад, надеясь только на интуицию.

Когда солнце скрылось за горизонтом, Алекс остановился у старого дуба, чьи корни торчали из земли, образуя естественное укрытие. Он собрал сухие ветки и попытался разжечь огонь, но пальцы дрожали, и искры падали мимо трута.

— Дай я, — сказала Миранда, садясь рядом с ним. Она взяла камень и ударила по нему — искра вспыхнула, и огонь разгорелся, словно ждал именно её прикосновения.

— Спасибо, — сказал Алекс, протягивая руки к огню.

Они сидели у костра, прижавшись друг к другу, и слушали, как лес оживает вокруг них. Где-то ухал филин, в кустах шуршали мыши, и ветер шептал в кронах, но все эти звуки были далёкими, почти нереальными.

— Что мы будем делать завтра? — спросила Миранда.

— Найдём деревню, — ответил Алекс. — Или город. Притворимся беженцами. Попросим еду и одежду. Может быть, наймёмся на работу.

— Ты умеешь работать? — спросила она с лёгкой усмешкой.

— Я умею выживать, — ответил он. — А это важнее, чем уметь работать.

Она рассмеялась — коротко, почти беззвучно, и этот смех согрел Алекса больше, чем огонь.

— Мы справимся, — сказала она. — Я верю в тебя, Алекс.

— Я тоже, — ответил он. — Я верю в нас.

Они замолчали, и тишина между ними была тёплой, как одеяло. Алекс чувствовал, как усталость наваливается на него, как веки тяжелеют, и он закрыл глаза, позволяя сну забрать его в свои объятия.

Но перед тем, как уснуть, он услышал голос Миранды — тихий, почти шёпот:

— Когда-нибудь мы вернёмся. Мы отстроим замок заново. И мы будем жить в нём вместе.

— Да, — прошептал он в ответ, проваливаясь в темноту.

Ночь прошла без сновидений. Алекс проснулся от холода — костёр почти погас, и утренний туман оседал на его лице, как мокрая паутина. Миранда спала рядом, свернувшись калачиком, и её дыхание было ровным, спокойным.

Он не стал её будить. Он подложил в костёр ещё веток, чтобы согреть воздух, и сел, глядя на неё. Во сне она выглядела беззащитной, почти ребёнком. Её чёлка откинулась назад, и Алекс увидел рога — маленькие, тёмные, с тонкими бороздками. Они казались хрупкими, как у оленёнка, и ему захотелось провести по ним пальцами, но он сдержался.

Она проснулась через час, когда солнце уже поднялось над деревьями, разгоняя туман. Она потянулась, зевнула и улыбнулась ему — сонной, тёплой улыбкой, которая делала её похожей на обычную девочку.

— Ты выглядишь уставшим, — сказала она.

— Я выгляжу так же, как и ты, — ответил он, и она рассмеялась.

Они позавтракали орехами, которые Миранда собрала вчера, и ягодами, найденными у ручья. Еда была скудной, но они не жаловались. Они знали, что впереди будут дни, когда еды не будет вовсе.

Когда они двинулись в путь, Алекс оглянулся на восток. Там, где вчера горел замок, теперь поднимался только лёгкий дым, почти невидимый на фоне серого неба. Замок перестал существовать. Вместе с ним перестали существовать король Драгомир, королева Людмила, советники, слуги. Все они стали частью пепла.

— Мы будем помнить их, — сказала Миранда, заметив его взгляд. — Мы будем помнить всех.

— Да, — ответил Алекс. — Мы будем помнить. И мы отомстим.

Он не знал, как он это сделает. Он не знал, будет ли у него сила, чтобы сражаться с орками, чтобы вернуть то, что у него отняли. Но он знал одно: он не остановится. Он будет идти вперёд, пока его ноги не откажутся нести его. И он сделает всё, чтобы защитить ту, что шла рядом с ним.

Они шагнули в лес, и их фигуры растворились в зелёной мгле.

Орки остались позади. Но не навсегда.

Глава 5. Имя для ветра

Лес кончился внезапно, как обрезанная струна. Вместо тёмных, влажных стволов, покрытых мхом и лишайником, перед глазами открылась выжженная равнина, где трава была жёлтой, почти белой, а земля потрескалась от жары, хотя осень только начиналась. Алекс остановился на краю леса, шурясь от яркого солнца, и почувствовал, как ветер, дующий с равнины, приносит запах пыли и сухой полыни.

Миранда встала рядом, и её лицо было бледным, но спокойным. Она привыкла к лесу, к его теням и шепоту, и открытое пространство пугало её. Алекс видел это по тому, как её плечи напряглись, как она инстинктивно подняла руку, чтобы прикрыть чёлку от ветра.

— Мы не можем оставаться здесь, — сказал Алекс. — Нам нужно найти людей. Еду. Воду.

Она кивнула, и они двинулись вперёд, по сухой, растрескавшейся земле, которая скрипела под ногами, как старая кость. Солнце поднималось выше, и жара становилась невыносимой. Алекс чувствовал, как пот стекает по спине, как губы пересыхают, и он с трудом сглатывает, чтобы увлажнить горло.

— Там, — сказала Миранда, указывая вперёд, где на горизонте виднелся лёгкий дымок. — Дым. Значит, есть люди.

Они пошли быстрее, и через час добрались до небольшой деревни, состоящей из десятка хижин с соломенными крышами. Деревня выглядела бедной, но живой — у колодца стояли женщины с вёдрами, дети бегали между домами, и откуда-то доносился лай собак.

Алекс остановился у входа в деревню, разглядывая людей, которые смотрели на них с подозрением. Двое чужаков — грязных, худых, в рваной одежде — не могли не привлечь внимания.

— Здравствуйте, — сказал Алекс, стараясь говорить как можно более дружелюбно. — Мы беженцы. Нашу деревню сожгли орки. Мы ищем убежища.

Из толпы вышел мужчина с седой бородой, одетый в потёртый кафтан. Он посмотрел на Алекса и Миранду сверху вниз, оценивая их, и на его лице мелькнула смесь жалости и подозрения.

— Беженцы, говорите? — сказал он хрипло. — Много вас тут ходит в последнее время. Орки жгут всё на востоке. Вы откуда?

— Из Заречья, — ответил Алекс, не моргнув глазом. — Деревня у реки. Мы потеряли всех. Только я и сестра остались.

Старик покачал головой.

— Заречье, говоришь? Там уже неделю как никого нет. Орки вырезали всех. Вы счастливы, что выжили.

Он повернулся и махнул рукой в сторону крайнего дома.

— Идите к бабке Матрене. Она приютит вас на ночь. Завтра пойдёте дальше. Здесь вам не место — у нас самих еды в обрез.

Алекс кивнул и повёл Миранду к дому, который указал старик. Это была небольшая хижина с низкой дверью, крытой старой соломой, из трубы которой вился тонкий дымок. Когда они подошли ближе, из дверей вышла женщина — старая, сторбленная, с лицом, изрезанным морщинами, но с глазами, которые смотрели ясно и остро.

— Кто такие? — спросила она, опираясь на клюку.

— Беженцы, бабушка, — сказал Алекс. — Мы из Заречья. Нас приютили на ночь.

Старуха посмотрела на них, и её глаза остановились на Миранде. Она долго вглядывалась в её лицо, и Алекс почувствовал, как сердце начинает биться быстрее. Если она заметит рога, если она поймёт, что Миранда — не человек...

— Проходите, — сказала бабка Матрена, отворяя дверь. — Есть нечего, но ночевать можно. Только смотрите, чтобы не шуметь. У нас тихо.

Они вошли внутрь, и Алекс выдохнул с облегчением. В хижине было темно и душно, но уютно — пахло сушёными травами, старой древесиной и печным теплом. Бабка Матрена указала им на лавку у стены и поставила на стол кувшин с водой и краюху чёрствого хлеба.

— Ешьте, — сказала она, садясь напротив. — А потом рассказывайте, что случилось с вашей деревней.

Алекс взял хлеб и отломил кусок, протягивая его Миранде. Она взяла его с благодарностью, и они начали есть, запивая водой из кувшина. Еда была скудной, но для них, голодных после двух дней скитаний, она казалась пиршеством.

— Орки пришли ночью, — начал Алекс, придумывая историю на ходу. — Мы проснулись от криков. Всё горело. Мы побежали к лесу, но там были орки. Они убили всех, кто пытался бежать. Мы спрятались в болоте, и они не нашли нас.

— Ох, горе-то какое, — покачала головой бабка Матрена. — Второй год орки не дают покоя. Будто чума какая-то. Раньше они нападали только зимой, а теперь — круглый год. Власти наши ничего не делают. Король сидит в замке, а мы тут страдаем.

Алекс опустил глаза, чтобы не выдать себя. Король Драгомир мёртв, и власти больше нет. Но он не мог сказать этого.

— Мы пойдём дальше, — сказал он. — На юг. К морю. Говорят, там безопасно.

— Безопасно, — хмыкнула старуха. — Там, говорят, тоже орки есть. Только другие. Море — оно не спасёт. Земля спасёт. Вот если бы вы нашли место, где земля плодородная и вода чистая... Но сейчас таких мест нет. Везде война.

Она поднялась, прошла к печи и достала оттуда горшок с какой-то кашей.

— Вот, поешьте горячего. Выглядите вы хуже, чем я, а мне уже восемьдесят лет. Так нельзя.

Они поели горячей каши, и тепло разлилось по телу, согревая уставшие мышцы. Алекс чувствовал, как веки тяжелеют, но он заставлял себя не уснуть. Нужно было быть настороже.

Ночь прошла спокойно. Бабка Матрена уложила их на лавку, накрыла старым одеялом, и они провалились в сон без сновидений.

Утром они проснулись от криков. Алекс вскочил, не понимая, где он, и его рука инстинктивно потянулась к поясу, где должен был висеть кинжал. Но кинжала не было — он потерял его в лесу. Миранда тоже проснулась, и её глаза были широкими, испуганными.

— Что случилось? — спросила она шёпотом.

— Не знаю, — ответил Алекс, подходя к двери и приоткрывая её.

Снаружи была суматоха. Люди бегали по деревне, женщины плакали, дети кричали. В центре деревни стоял караван — несколько телег, гружёных тюками, и всадники на лошадях. Один из них, высокий, с тёмным лицом и хищными глазами, орал что-то, размахивая плёткой.

— Это торговцы, — сказала бабка Матрена, подходя к двери. — Они идут с севера. Везут товар на юг. Но они злые. Не подходите к ним.

Алекс кивнул, но его взгляд был прикован к каравану. Всадник, который орал, вдруг повернулся и посмотрел прямо на него. В глазах мужчины мелькнуло что-то жадное, похотливое, и Алекс почувствовал, как по спине пробегает холод.

— Сестра, — прошептал он Миранде. — Спрячься. Сейчас же.

Но было поздно. Торговец уже слез с лошади и направлялся к их хижине, его сапоги тяжело ступали по земле.

— Эй, девка! — крикнул он, заглядывая внутрь. — Выйди! Я хочу посмотреть на тебя!

Миранда побледнела и отступила вглубь хижины, но торговец уже схватил её за руку и вытащил наружу. Алекс рванулся за ней, но другой торговец преградил ему дорогу.

— Не лезь, сопляк, — сказал он, толкая Алекса в грудь. — Твоя сестра теперь наша. Мы заплатим твоей старухе за неё.

— Она не продаётся, — сказал Алекс, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё кипело. — Мы просто беженцы. Мы идём на юг.

— На юг? — рассмеялся торговец. — Хорошая шутка. Твоя сестра будет стоять дорого на рынке. У неё глаза редкие. Таких девочек хорошо покупают.

Алекс почувствовал, как кровь закипает в жилах. Он посмотрел на Миранду, которая стояла, дрожа, в руках торговца, и в её глазах был страх — тот самый страх, который она носила в себе все эти годы. И в этот момент что-то в Алексе сломалось.

Он рванулся вперёд, выхватил из руки одного из торговцев нож и вонзил его в бок мужчины, который держал Миранду. Торговец закричал и отпустил её, падая на колени, и Алекс схватил Миранду за руку.

— Бежим! — закричал он, и они бросились вперёд, в сторону поля.

За их спинами раздавались крики, топот, но Алекс не останавливался. Он бежал, таща Миранду за собой, чувствуя, как ветер свистит в ушах, как ноги горят от напряжения. За ними гнались — двое, трое — но Алекс не оглядывался.

Они добежали до леса, который начинался за полем, и нырнули в его прохладную тень. Ветки хлестали по лицу, корни цеплялись за ноги, но они продолжали бежать, пока голоса преследователей не стихли вдалеке.

Алекс остановился и прислонился к дереву, тяжело дыша. Его сердце колотилось где-то в горле, и он чувствовал, как дрожат ноги. Миранда стояла рядом, и её руки дрожали так же сильно.

— Ты убил его, — сказала она тихо, и в её голосе не было осуждения. Только констатация факта.

— Я знаю, — ответил Алекс. Он смотрел на свои руки, на которых была кровь. Она была тёплой, липкой, и он хотел стереть её, но не мог.

— Он хотел продать тебя, — сказал он. — Я не мог позволить этому случиться.

Миранда подошла к нему и взяла его руки в свои. Её пальцы были прохладными, и она сжала их, словно пытаясь передать ему часть своей силы.

— Ты сделал это ради меня, — сказала она. — Спасибо.

Алекс поднял голову и посмотрел на неё. В её глазах не было страха. Была благодарность и что-то ещё — доверие.

— Мы должны идти дальше, — сказал он. — Они могут вернуться. С собаками.

Они двинулись вглубь леса, и Алекс чувствовал, как его тело постепенно успокаивается. Он убил человека — впервые в жизни. И он не чувствовал сожаления. Он чувствовал только холодную ярость, которая всё ещё горела в его груди.

Они шли до самого вечера, пока не вышли к маленькой речке, где смогли умыться и напиться. Алекс сидел на берегу, глядя на воду, и думал о том, что он сделал. Он нарушил закон. Он убил человека. И он не знал, сможет ли когда-нибудь стать прежним.

— Ты не должен винить себя, — сказала Миранда, садясь рядом. — Он был плохим человеком. Он хотел продать меня. Ты защищал меня.

— Я знаю, — ответил Алекс. — Но это не меняет того факта, что я убил.

— Это меняет, — сказала она твёрдо. — Ты спас меня. Ты спас нас. Если бы ты не сделал этого, я бы была в клетке, а тебя бы убили. Ты сделал правильный выбор.

Алекс повернулся к ней и посмотрел в её глаза. В них была непоколебимая уверенность, которая передавалась ему, согревая его изнутри.

— Мы больше не можем полагаться на людей, — сказал он. — Мы должны быть сильными. Мы должны научиться защищать себя.

— Я помогу тебе, — сказала она. — Я буду с тобой.

Они сидели на берегу, и ветер шелестел в листьях, принося запах воды и мокрой земли. Алекс чувствовал, как усталость наваливается на него, но внутри что-то менялось. Он был не один. У него была она, Миранда, и ради неё он был готов сделать всё, что угодно, даже убивать.

Когда стемнело, они нашли укрытие под корнями старого дуба и уснули, прижавшись друг к другу. Алекс держал в руке нож, который взял у убитого торговца, и его пальцы не сжимали рукоятку даже во сне.

Он был готов защищать её до конца.

Утро пришло серое и дождливое. Вода капала с веток, и лес был наполнен запахом влажной земли и гниющих листьев. Алекс проснулся первым, чувствуя, как его тело ломит от холода и неудобной позы.

— Миранда, — сказал он тихо. — Просыпайся. Нам нужно идти.

Она открыла глаза и посмотрела на него. В её взгляде было спокойствие, которое Алекс не видел вчера. Она была спокойна, несмотря на всё, что с ними случилось.

— Мы идём на юг? — спросила она.

— Да, — ответил он. — На юг, к морю. Там мы найдём убежище.

— А если не найдём? — спросила она.

— Тогда мы пойдём дальше, — ответил он. — Мы будем идти, пока не найдём.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было столько веры, что Алекс почувствовал себя сильнее.

Они пошли дальше, через мокрый лес, где ветки хлестали по лицу и вода стекала по одежде. Алекс держал нож в руке, готовый к любой опасности, и шёл впереди, прокладывая путь для Миранды.

На третьи сутки они вышли к большой дороге. По ней двигались телеги и всадники, и Алекс понял, что они нашли цивилизацию. Он спрятал нож, привёл в порядок одежду и повернулся к Миранде.

— Помни, — сказал он. — Мы — брат и сестра из Заречья. Мы никому не нужны. И мы не должны никому доверять.

— Я помню, — ответила она.

Они вышли на дорогу и смешались с толпой путников. Никто не обратил на них внимания — грязные дети в рваной одежде, таких было много. Они шли, притворяясь обычными беженцами, и Алекс чувствовал, как его страх уходит, сменяясь холодной решимостью.

Они выжили. Они справились. И они будут жить дальше.

Глава 6. Болезнь принцев

Они шли ещё два дня, и на второй день Алекс почувствовал, что с ним что-то не так. Сначала это была просто слабость — ноги стали тяжёлыми, как утопленники, и каждый шаг давался с трудом. Потом появился жар, который поднимался изнутри, от костей, и разливался по телу липким, обжигающим потом. Алекс пытался не показывать виду, но к вечеру он уже с трудом держался на ногах, и Миранда заметила это.

— Ты бледный, — сказала она, когда они остановились у ручья, чтобы напиться. — Ты весь горишь.

— Просто устал, — ответил Алекс, но голос его прозвучал хрипло, почти как шёпот.

Миранда подошла ближе и положила ладонь ему на лоб. Её пальцы были прохладными, и прикосновение принесло облегчение, но она тут же отёрнула руку, и её лицо стало тревожным.

— Ты горишь, — повторила она. — У тебя лихорадка.

— Это ничего, — сказал Алекс, пытаясь улыбнуться. — Просто простуда. Пройдёт.

Но он знал, что это не простуда. Лихорадка, которая поднималась изнутри, была знаком того, что организм сдаётся. Слишком много дней без еды, слишком много холода, слишком много бега. Его тело больше не выдерживало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.